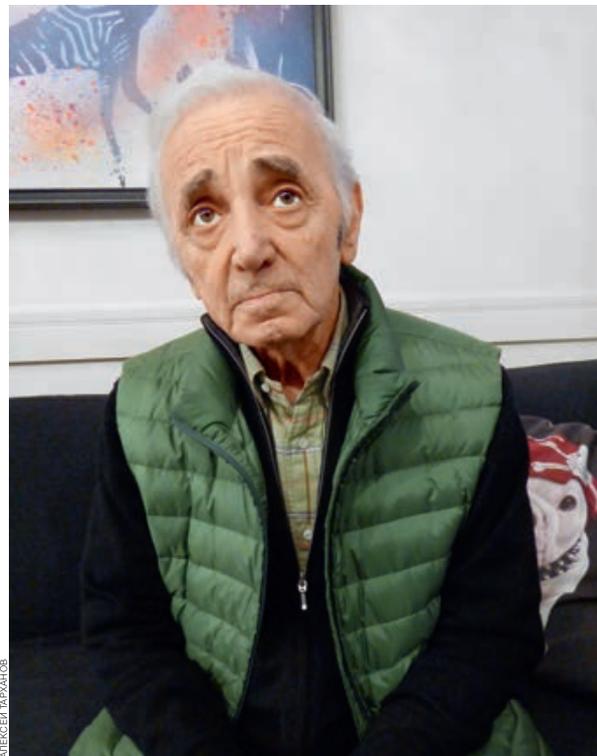

ЧАСЫ НА СЦЕНЕ МНЕ НЕ НУЖНЫ ШАРЛЬ АЗНАВУР РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ CARTIER

—Для Шарля Азнавура Cartier — самая французская часовая марка

—Cartier Ceinture 1983 года выпуска. Часы имеют кварцевый механизм Mouvement Cartier 81 (Calibre 8) работы марки Ebel, поставленный в корпус из трех видов золота

Мы встретились с Шарлем Азнавуром в Париже накануне его гастролей в Москве и Санкт-Петербурге. Он репетировал, время на интервью выкроил с трудом, но посмотрел на свои золотые часы Cartier только дважды — в начале и в конце разговора. Который начался с моего вопроса, смотрит ли он на часы на сцене.

— На сцене я не ношу часы. Ты же всегда под прожекторами и не можешь надеть ничего блестящего. Я выхожу на сцену во всем черном. Все украшения я оставляю в гримерке, даже самые любимые. Мне случалось таким образом расставаться навсегда с обручальными кольцами. Но вот свои любимые золотые Cartier я, к счастью, не терял. Они у меня давно, теперь таких не делают, но они понравились мне так, что я купил сразу три штуки и подарил их друзьям.

На сцене же я сам себе часы: время определяется песнями, я знаю их хронометраж и последовательность. Но это не всегда было так просто. В начале карьеры я, случалось, запаздывал с выходом. Особенно когда в перерывах у меня было время сыграть партию в шахматы. Меня научил игре мой друг Мисак Манушьян, армянский поэт и герой Сопротивления. С тех пор это стало для меня настоящей страстью, я раньше и не подозревал, что я такой азартный. Никогда не любил спорт, так что шахматы заменили для меня бег или бокс. Играл очень много — и в ущерб работе, потому что иногда не мог выйти на сцену после антракта, не сделав ход на доске.

Вы действительно интересуетесь моими часами? Что ж. Если ты выбираешь ремесло актера, шута, певца — так пусть тебя все знают. Пусть перемивают косточки, обсуждают твои часы, твои наряды и твоих подруг. Тот, кто поднимается на сцену, должен быть готов к тому, что всем все про него будет известно. Ты же это делаешь не только для того, чтобы заработать на хлеб, но и для того, чтобы люди тебя узнавали, любили или ненавидели, чтобы твоя маленькая жизнь стала им интересна.

Я рос в армянской семье, но в детстве жил в русскоязычном мире и всегда готов сказать за это судьбе: «Спасибо bolschoe!» Армянское, русское, французское — все накладывалось одно на другое, но Франция взяла верх с самого начала. Свои первые слова я произносил по-французски. Уже потом я, моя сестра и моя дочь выучили армянский, я говорю без акцента, но до сих пор не умею ни читать, ни писать. Махнул на это рукой, в конце концов, мои предки, не ходившие в школу, были армянами не хуже. Кто сказал, что язык существует только в книгах?

У меня очень и очень богатый запас слов. Может быть, самый богатый среди всех, кто занимается теперь французской песней. Был Жорж Брасенс — настоящий поэт с огромным и сложным словарем, был Шарль

Трене, был Ги Беар, был Жан Ферра — у нынешних нет такого французского, какой был у нас. У них нет ни словаря, ни даже желания этот словарь создавать. Это ведь тоже можно. Я обожаю придумывать слова — так чтобы поразить слушателя. Да и сам удивляюсь, какие слова мне приносят созвучия и игра со смыслами. Я опираюсь на свое собственное удивление, чтобы научиться удивлять других. И считаю, что, если ты поешь по-французски, надо быть изобретательнее любого француза в пятом поколении.

Французский язык — это и есть моя родина, моя страна. Я в нем живу, я его гражданин. Французский — это прежде всего Франция. Но есть еще и Канада, Бельгия и Швейцария. Я не смог бы жить там, где говорят на другом языке. Обожаю Италию, но не прижился бы там. А вот Швейцария — другое дело, я и стал жить в Швейцарии, не покидая Францию, потому что языку не нужны бумаги и визы.

Мы встречаемся с вами в Париже. Это город, в котором я родился, вырос и прославился. Он меня воспитал, но приходит время, когда ты не можешь больше жить с родителями. Наступает возраст — и вместо города и толпы ты хочешь видеть природу. Парижские памятники прекрасны, а вот парижская природа мало забавна. Зато у меня в окне швейцарского дома — деревья, кустарники. Так что серый цвет я сменил на зеленый.

Сам я не изменился. Ну, бросил курить. Но бросил не раньше, чем это надо было обязательно сделать. Я перестал напиваться только тогда, когда пора было остановиться. Но внимание! Именно «напиваться», а не просто «пить вино». Я съедаю только половину того, что мне приносят на тарелке, даже если это ужасно вкусно. И никаких, конечно, добавок и вторых порций. Я веду спокойную семейную жизнь без скандалов и драм и намерен прожить так еще много лет. Мне по-прежнему нравятся красотки, я ведь художник. Но моя жена может прийти ко мне в любой момент, не опасаясь увидеть в моих объятиях другую. Это очень важно — семейная жизнь. Я всегда говорю: я был верен всем моим женам и изменял всем моим любовницам.

Я сын иммигрантов. Меня часто спрашивают, когда я бываю за границей: как выжить иммигранту, иностранцу в такой стране, как Франция? Надо ее полюбить и жениться на ней! А дальше, как во всякой паре, надо любить свою половину и делать все, чтобы и она тебя любила. Хотя и в паре, и в стране бывает по-всякому. Надо выкладываться для нее, не отмахиваться от ее проблем и не считать, что ты получишь от нее только пряники, будут и тумачи, как без них?

Беседовал Алексей Тарханов